

Р 107
351

98/15

МИТРОПОЛИТЪ ФИЛИППЪ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Посвящается князю А. А. Хованскому.

Т. ТОЛЫЧЕВОЙ.

*Авторъ старому воину
Другу Александру Митрофану
Митрофану.*

МОСКВА.

1875.

2) МИТРОПОЛИТЬ ФИЛИППЪ.

~~№ 749~~

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Р 107
351

Посвящается князю А. А. Хованскому.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

Т. ТОЛЫЧЕВОЙ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМПЕРАТОРСКИЕ БУДУЩАЯ
В. И. ГЛАВНА

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ)
на Страстномъ бульварѣ.

1875.

В свои

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ біографіи митрополита Филиппа окажутся всегда значительные пробѣлы, по крайней скудости матеріаловъ. Никому не дано, къ сожалѣнію, воспроизвести всецѣло эту великую и могучую личность. Его „житіе“ писанное современнымъ ему Соловецкимъ монахомъ и соловецкая лѣтопись, — вотъ единственные документы которыми можетъ руководиться біографъ. Къ тому же „житіе“ извѣстно только въ рукописи, и не всякому удастся воспользоваться имъ. Его можно найти въ публичныхъ бібліотекахъ, но очень многіе требуютъ, для занятія уединенія и тишины рабочей комнаты. * Мы полагаемъ что этотъ недостатокъ въ

* Еслибы не обязательность барона Михаила Львовича Воде, который согласился вѣрить намъ списокъ хранящейся въ его бібліотекѣ намъ было бы совершенно невозможно приступить къ предпріятому нами труду.

матеріалахъ и затрудненія ожидающія писателя, который пожелалъ бы воспользоваться ими, объясняютъ отчасти почему никто не приступалъ такъ долго къ біографіи мученика.

Преосвященный викарій московскій Леонидъ взялся первый за подобный трудъ, и мы рѣшились предпринять задачу совершенную уже имъ потому что характеръ Филиппа, по своей многосторонности, шевелитъ въ сердцѣ каждаго самыя задушевныя его струны, и легко поддается наблюденію съ двухъ точекъ зрѣнія столь различныхъ какъ точка зрѣнія біографа—духовнаго лица и біографа свѣтскаго, хотя и тотъ и другой преклоняются предъ его святостью. Мы рѣшились представить публикѣ нашъ посильный трудъ потому также что личности подобныя Филиппу жили для пользы всѣхъ и принадлежатъ всѣмъ; что самый мелкій литературный дѣятель имѣетъ право на свое мнѣніе, на свой взглядъ; что изъ различія взглядовъ и мнѣній истекаетъ наконецъ истина, и окончательно потому что какъ ни скромна дѣятельность писателя онъ можетъ принести хотя малую долю пользы, если трудится добросовѣстно.

Аще ополчится на мя поакъ,
не убоится сердце мое.

Псаломъ Давида.

I.

11го февраля 1507 года, сами и повозки московской знати тѣснились вѣроятно около двора боярина Степана Ивановича „по реклу Колычева“, любимца великаго князя Василия. Именитые гости подъѣзжали по обычаю къ самой околицѣ, другіе выходили изъ экалажей въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея и шли лѣшкомъ по широкому двору. Всѣ слѣщили поздравить хозяина. Въ этотъ день, въ лицѣ новорожденнаго сына его Феодора, семейство Колычевыхъ приобрѣло новаго члена, русская исторія—героя, церковь—мученика.

Колычевы одного рода съ Романовыми и Шереметевыми. Они были люди именитые, роднились съ владѣтельными князьями,* отличались въ посольствахъ,

* Царь Дмитрій Донской, великій князь Тверской женилъ своего сына на дочери московскаго воеводы боярина Феодора Андреевича Кошки, изъ рода Колычевыхъ.

на царской службѣ, на воеводствѣ. Дѣла младенца Феодора сложили голову подъ Нарвой, а Степанъ Ивановичъ славился своимъ „ратнымъ духомъ“. Кромѣ того, и онъ самъ, и жена его были известны всему городу своимъ благочестиемъ и любовью къ нищей братіи. Сынъ ихъ росъ въ честной и религіозной средѣ, и они позаботились о томъ чтобы дать ему воспитаніе соотвѣтствующее его роду и духу времени. По выраженію его жизнесписателя, они „повелѣваютъ его вручить художной хитрости, еже Божественному Писанію... и на избранныхъ и урядныхъ конѣхъ соѣздити по часту“.

Въ этихъ отрасляхъ знанія заключался полный курсъ наукъ тогдашней аристократіи. Верхняя ѣзда, упражненіе кольемъ и мечомъ и изученіе церковныхъ книгъ считалось крайнимъ предѣломъ образованности. Татарское иго надолго придавило зародыши нашего развитія, и скудна была умственная среда древней Россіи. Самое ратное дѣло, къ которому на всякій случай приучали сызмала ребенка, было не что иное какъ случайность. О вѣдѣнней политикѣ, если наши тогдашнія отношенія съ иностранными державами

заслуживаютъ это имя, можно сказать точно то же, а свои домашнія дѣла рѣдко касались общихъ интересовъ и требованій. Придворныя обязанности заключались единственно въ исполненіи службы при особѣ государя; съ произведеніями искусства лишь по временамъ знакомили насъ византийскіе художники; о наукѣ мы не имѣли даже отдаленнаго понятія, и наиболѣе „богатая“ бібліотека состояла изъ Псалтырей, Чети Минеи и немногихъ рукописей духовнаго содержанія. Но не безплодно тяготѣло надъ Россіей два съ половиною столѣтія иноземное иго. Вынесенныя страданія укрѣпили въ народѣ духъ вѣры и воспитали въ немъ потребность молитвы. Элементъ религіозный, развиваясь постоянно, тогда какъ всѣ остальные были подавлены, сдѣлался *жизненнымъ* элементомъ страны и поглотилъ почти всѣ другія потребности человѣческой природы. Царь, на которомъ лежали обязанности болѣе сложныя и разнообразныя чѣмъ на комъ бы то ни было изъ его подданныхъ, проводилъ часть дня въ церкви. Онъ вставалъ рано и одѣвшись становился на молитву, послѣ которой дьякъ читалъ ему поученіе изъ сборника „Словъ“,

подневно распределенных на целый годъ, сообразно съ празднованіемъ или съ памятованіемъ того или другаго святаго. По окончаніи чтенія царь саушалъ заутреню и двухъ-часовую обѣдню, среди дня—вечерню, ложась спать произносилъ молитвы на сонъ грядущій... Въ посты и праздники оны присутствовали при всѣхъ церковныхъ службахъ, кромѣ того нерѣдко ѣздилъ или ходилъ на боляе или менѣе отдаленное богомолье. Царь Алексѣй Михайловичъ постомъ ставалъ въ церкви по пяти и шести часовъ сряду, клалъ иногда по тысячѣ, въ большіе праздники по полторы тысячи земныхъ поклоновъ и не касался скоромныхъ яствъ по восьми мѣсяцевъ въ году. Также ходил на богомолье, постились и молились бояре и народъ.

Но сквозь общее благочестивое настроеніе проглядывали однако стремленія которыя иногда могутъ быть подавлены средой, но рѣдко вымираютъ въ человѣкѣ. Наши боярыни, заключенныя въ теремахъ, и наши бояре задумывались подчасъ надъ былыми судьбами родной страны, и люди зажиточные, для удовлетворенія своей любознательности, давали пріютъ бездомнымъ

старикамъ, держали сказочниковъ и пѣсенниковъ. На вечернихъ посидѣлкахъ пѣвалось и сказывалось о томъ что одни видѣли сами, что преданіе сохранило въ памяти другихъ: о житьѣ-бытьѣ отжившихъ поколѣній, о временахъ злой Татарщины... Но блѣдые отголоски минувшаго не утоляли жажды знанія. Умъ сколько-нибудь обширный не находилъ удовлетворенія въ старческихъ разказахъ; пылкому воображенію было недостаточно однѣхъ пѣсень. Иныя природы требуютъ отъ жизни элемента полнаго, всецѣлаго которому бы всецѣло отдаться: для нихъ въ древней Руси выбора не было. Одна религія достигла развитія способнаго поглотить все мечты, все стремленія, всю умственную жизнь человѣка, и натуры страстныя, могучія посвящали себя Богу, или погибали.

II.

Сеодоръ Колычевъ родился съ энергическими задатками требующими развитія, съ нравственными силами домогающимися дѣятельности и простора. Онъ съ малыхъ лѣтъ любилъ уединеніе, не находилъ друзей въ кругу своихъ сверстниковъ, не принималъ уча-

стія въ рѣзвыхъ забавахъ, и искалъ въ бесѣдѣ со взрослыми отвѣта на неясныя мысли бродившія въ его головѣ. Его плѣняло все что выходило изъ ряда повседневной жизни, что стояло выше общаго уровня. Душа его чуждалась окружающаго будничнаго міра, и откликнулась на всѣ геройскія доблести; а онъ выражался для него лишь въ подвигахъ отшельниковъ и мучениковъ. И онъ съ умиленіемъ читалъ и перечитывалъ ихъ житія въ немногихъ книгахъ входящихъ въ родительскомъ домѣ. Гостепріимство было одною изъ главныхъ добродѣтелей нашихъ предковъ и съ особеннымъ почетомъ принимались странники и богомольцы, приносившіе подъ кровъ благословеніе Божіе; всѣ встречали ихъ лаской и привѣтомъ. Для нихъ топили баню, гдѣ они могли лопѣжить усталые члены, приготавливали луховыя постели, уставляли стѣлы вкусною ѣдой и сладкимъ литьемъ. Они же, утоливъ голодъ и отдохнувъ, поучали хлѣбосольныхъ хозяевъ повѣстью о своихъ странствованіяхъ. Съ неусыпнымъ вниманіемъ слушалъ эти рассказы молодой Колычевъ. Особенно любилъ онъ повѣствованія о далекихъ Соловецкихъ ос-

тровахъ, лежащихъ среди бурнаго льдистаго моря. Слышалъ о нихъ Ѳеодоръ, по выраженію его біографа, „отъ многихъ неложныхъ лзыка“, и зналъ что люди долго не дерзали ставить на нихъ своего жилья и что видѣли ихъ лишь рыбаки, подѣзжавшіе къ нимъ съ сѣтями. Но, лѣтъ около ста назадъ, вѣщали странники, приблизился къ берегу утлый челнъ, управляемый двумя неустрашимыми гребцами. Одинъ былъ еще молодъ и полонъ силъ, другой сѣвъ и дряхлъ: обоими руководилъ Духъ Божій. Они причалили, и старецъ—звали его Савватіемъ—водрузилъ на дѣвственной почвѣ деревянный крестъ. Потомъ онъ остался одинъ среди пустыннаго острова; ангелы Божіе посѣщали его, приносили ему пищу, а умеръ онъ стоя на молитвѣ. Передавали также странники что послѣ его кончины опять прибылъ на Соловецкіе острова Германъ, молодой его спутникъ, съ другимъ юношей, по имени Зосимой, и что поставили они себѣ убогія хижины около воздвигнутаго Савватіемъ креста, посвящая Богу свою свѣтлую юность. Вскорѣ стали стекаться къ нимъ люди бѣжавшіе отъ мірскаго соблазна, и заложилъ Зосима на пустынномъ островѣ

обитель, стоящую и теперь, гдѣ почитаютъ неслыханныя мощи первыхъ отшельниковъ, гдѣ иноки живутъ въ постѣ и молитвѣ, какъ жили первые христіане, и гдѣ витаетъ духъ Зосимы и Савватія.

Воспламенялось воображеніе Θεодора при этихъ разказахъ. Сколько разъ мечталъ онъ о томъ чтобы покинуть царскій городъ, укрыться въ эту пустыню, куда не проникала мірская суета, и поклониться землѣ хранящей слѣды ангельской стопы. Горячая вѣра охватывала все болѣе и болѣе его душу и охраняла его отъ искушеній молодости. Цѣломудрый какъ Иосифъ, онъ не останавливалъ взора на женской красотѣ и отказался отъ брачной жизни. Иная, высшая доля манила его, но не настала еще минута которая должна была рѣшить его судьбу.

III.

Скончался великій князь Василій. Θεодоръ Колычевъ явился ко двору правительницы, и занялъ мѣсто уготованное ему службой предковъ. Добрая молва о немъ, по словамъ его біографа, уже дошла до великокняжескаго семейства еще при жизни Василя, и Елена

приняла его съ почетомъ, а ребеночекъ Іоаннъ привязался къ нему „преизако“.

Правительница любила роскошь и ще голяла при иностранцахъ пышностью своего двора: много пировъ и праздниковъ видѣлъ молодой Колычевъ въ продолженіе трехлѣтней своей службы. Два раза пріѣзжали съ пріѣздомъ ко двору послы Густава Вазы, и долго толковала Москва о блестящемъ приемѣ котораго удостоились Шигъ-Алея, бывший властитель казанскій, и его жена, явившаяся „холодами“, битъ челомъ великой княгинѣ и Іоанну, и повидѣть ихъ свѣтлыя очи. Елена, возвращая имъ утраченный престолъ, приняла ихъ съ великимъ торжествомъ и угостила царственно. Роскошно были убраны столы, чинно служили столъники и чашники, заморскія вина лились въ серебряные и золотые кубки, и никогда еще, говоритъ лѣтописецъ, не было такой великолѣпной трапезы при дворѣ Московскомъ.

Но блескъ великокняжескихъ палатъ не могъ лѣзнуть ума возвышеннаго, сердца готоваго промѣнять всѣ блага мірскія на уединеніе и молитву. Не для придворной среды былъ созданъ Θεодоръ. Основывался на всемъ складѣ его характера, мы можемъ съ вѣроятіемъ

полагать что мягкая и правдивая душа его глубоко возмущалась придворными интригами, жестокостью Елены и наглостью ся любимца, хотя не находимъ на то указаний въ его жизнеописаніи. Разыгралась кровавая драма князя Андрея Старицкаго. Когда, доврившись клятвеннымъ обѣщаніямъ Телелнева-Оболенскаго, онъ явился въ Москву, Елена велѣла немедленно оковать его и посадить въ темницу, а къ женѣ его и сыну приставили стражу. Не былъ пощаженъ никто изъ приверженцевъ несчастнаго: ихъ пытали. Иные погибли въ мукахъ, другіе въ заточеніи. Новгородцы передавшіеся Андрею также поплатились за это жизнью. Въ числѣ ихъ находились четверо Колычевыхъ: одинъ былъ брошенъ въ тюрьму, остальныхъ били кнутомъ, подвергли пыткамъ и повѣсили на Новгородской дорогѣ.

Наши предки глубоко уважали родственныя связи: Θεодоръ не могъ мириться съ мыслью что живетъ среди людей обогранныхъ кровью его близкихъ. Душа его тосковала, и онъ искалъ утѣшенія въ молитвѣ. Разъ стоялъ онъ за обѣдней въ какомъ-то особенномъ настроеніи духа, и преклонилъ голову, ког-

да священникъ произнесъ: „отъ Матѣя Святаго Евангелія чтеніе“. „Никто же“, гласило божественное слово, „можетъ двѣма господинома работати: либо одного возлюбить, а другаго возненавидить... Не можете Богу работати и мамонѣ.“ Давно знакомыя слова раздалась въ сердцѣ Θεодора какъ что-то доселѣ невѣданное. Ему показалось что ни къ кому иному, а къ нему обращалась рѣчь Спасителя: „Не можете Богу работати и мамонѣ“, и Θεодоръ отрекся отъ мамона и рѣшилъ работать Богу.

IV.

Не легко было осуществить въ тайнѣ задуманное дѣло. Горе домашнихъ, слезы матери, увѣщанія отца... Намѣреніе Θεодора было твердо: но не безъ сердечной тоски помышлялъ онъ объ его осуществленіи и исполнилъ его... Приготовивъ все къ бѣгству, онъ улучилъ удобную минуту, замѣнилъ свое богатое платье крестьянскимъ кафтаномъ, надѣлъ лапти и съ глазами полными слезъ переступилъ, въ послѣдній разъ, порогъ родительскаго дома. Одна о не покинетъ онъ роднаго города не сказавъ прощальнаго слова святому Кремлю и его соборамъ, гдѣ молился бывши

ребенкомъ. И Θεодоръ идетъ въ Кремль. Онъ съ рыданіемъ припадаетъ къ мощамъ святителей, проситъ ихъ заступничества и благословенія Божія. „Настави мя на путь Твой, Господи“, молитъ онъ, „и пойду во истинѣ Твѣей.“

Но домашніе могутъ замѣтить его отсутствіе; время дорогъ: Θεодоръ слышитъ выйти какіе-то не замѣченный изъ города, и вотъ ужъ онъ выбрался на большую дорогу, и Москва пропадаетъ изъ его глазъ...

Куда же направить онъ свой путь? Къ сѣверу, къ отдаленнымъ Соловѣцкимъ островамъ, куда зовутъ его уже давно образы Зосимы и Савватія. Путешествіе продолжалось около четырехъ мѣсяцевъ по малонаселенному краю. Приходилось идти болотами, дремучими лѣсами; ночевать подъ открытымъ небомъ. Θεодоръ не разъ сбивался съ пути, по всей вѣроятности терпѣлъ голодъ и многія лишенія: но при немъ была его вѣра и молодая сила... Лѣто сіяло во всей своей красотѣ, путникъ вдыхалъ полною грудью живительный воздухъ лѣсовъ и полей, и бодро стремился къ желанной цѣли. Онъ почувствовалъ однако необходимость отдыха и остановился у Океж-

скаго озера. По берегу лѣстрѣли деревушки. Θεодоръ нашелъ пріютъ въ одной изъ нихъ. Крестьянинъ, по имени Суббота, позвалъ его подъ свой кровъ, и знатный баринъ, „ни мѣшца имѣяши, ни двою ризу, ни при поясѣ мѣди, ни нааго чегого иже на потребу“, откликнулся съ радостью на гостепріимный зовъ. Θεодоръ оставался у Субботы „немало дней“; но дни отдыха не были проведены въ праздности. Онъ принялъ на себя должность пастуха, и лишь занималась заря вооружался посохомъ и выгонялъ на пастбище овецъ козынина. сход Вечеромъ онъ возвращался къ семейному ужину, разспрашивалъ о Соловкахъ, о дорогѣ туда ведущей. Осень уже настала, слѣдовало воспользоваться послѣдними днями мореплаванія. Θεодоръ простился съ хозяевами и снова пустился въ путь. Дошедши до взморья онъ садится на карбасъ, и волны несутъ его къ обѣтованной землѣ. Наконецъ сбылись надежды столькихъ лѣтъ; цѣль уже близка, уже привычный глазъ гребца различаетъ вдали древесныя верушки. Онъ подымаются все выше и выше, онъ словно бѣгутъ на встрѣчу путникамъ. И возрадовалось сердце

Θεοδору „неизреченною радостію“ говорить его біографъ.

У.

Соловки состоятъ изъ шести сгруппированныхъ острововъ, лежащихъ у юго-западныхъ береговъ Бѣлаго Моря. Суровость климата долго отдаляла отъ нихъ человѣка. Каменистая почва не производила ничего кромѣ хвойнаго лѣса, который захватывалъ все болѣе и болѣе пространства, но росъ медленно, часто погибалъ не достигнувъ зрѣлости, и образовались въ его чащѣ глухія, непроходимыя болота. Многочисленныя озера прибавляли свою сырость къ болотистымъ испареніямъ, заражавшимъ воздухъ. Море воздвигаетъ вокругъ Соловецкихъ острововъ, въ продолженіе полугода, словно гранитную крѣпость, непроходимыя льдястыя массы.

Но съ XV вѣка старцемъ водруженъ крестъ на негостепріимой почвѣ; другимъ отшельникомъ поставлена на ней обитель. Она уже славилась строгостію жизни своихъ иноковъ; богомольцы уже приходили на поклоненіе къ мощамъ святыхъ Зосимы и Савватія, котораго считали ея первоначальнымъ основате-

лемъ. Вышедши на берегъ, Θεοδορѣ сотворилъ свою первую молитву предъ стѣнами монастыря и, поклонившись его святынямъ, пошелъ къ игумену. Алексій, такъ звали его, былъ добрый, простодушный старецъ, но строго относился къ обязанностямъ монаха. Онъ принималъ ласково пришельца, котораго не допустилъ однако до постриженія, а наложилъ на него разныя послушанія для приготовленія къ суровости монашеской жизни. Уже Зосима завелъ хозяйство для продовольствія первыхъ иноковъ обители: уже при немъ добывали изъ моря соль, которую варили и мѣняли купцамъ на предметы первой необходимости. Съ тѣхъ поръ монастырскія средства увеличались, однакожь они были еще очень скудны когда Алексій принялъ игуменство. Соловецкій лѣтописецъ упоминаетъ о немъ какъ о домовитомъ хозяинѣ, который не оставлялъ въ праздности рабочихъ силъ. Θεοδοру минуло тогда тридцать лѣтъ. Онъ росъ среди роскоши и нѣги родительскаго дома, но доля работника не пугала его. Бѣлыя, нѣжныя его руки скоро привыкли владѣть орудіями ремесленника, и онъ съ одинаковымъ усердіемъ молотъ рожь на мельницѣ, бросалъ

неводъ въ море, работали заступомъ на огородахъ, топоромъ въ лѣсу, или подымали тяжелыя ноши на боярскія плечи. Своего имени онъ не повѣдалъ никому, и неизвестный пришлецъ покрытый рубищемъ, ревностный труженникъ, не принимавшій никогда участія въ праздныхъ рѣчахъ грубыхъ товарищей, подвѣргался не разъ оскорбительнымъ словамъ, даже побоямъ. Но съ чувствомъ тайной радости несъ онъ тяжкое испытаніе; онъ далъ обѣтъ работать Богу, и работалъ Ему неусыпно.

Такъ протекало полтора года. Но когда же Ѳеодоръ облечется въ ризу, которую носили первые владыки Соловковъ—Савватій и Зосима? Когда произнесетъ онъ предъ нетлѣвными ихъ мощами окончательное отреченіе отъ міра? Томительное ожиданіе мучило его и онъ рѣшился обратиться съ просьбой къ игумену и братіи. Разъ, когда всѣ иноки собрались около Алексія, явился предъ ними Ѳеодоръ и бросился къ ихъ ногамъ. „Примите меня въ среду свою“, говорилъ онъ, и его слезы молили за него. Игумень и братія были глубоко тронуты. Они не отвергли трогательное прошеніе, и въ назначенный день Ѳеодоръ Колячевъ произнесъ

обѣтъ въ скромной Соловецкой церкви, смѣшивъ рясу послушника монашескою мантией.

Изъ храма вышелъ онъ подъ именемъ Филиппа.

VI.

Восприемникъ его Іона, духовный отецъ братіи, былъ извѣстенъ въ обществѣ святостію своею жизни и знаніемъ церковныхъ уставовъ и столоваго лѣнія, за что и получалъ должность уставщика. Алексій отдалъ ему на обычное послушаніе Филиппа, который проводилъ цѣлый день въ церкви или на работѣ: то въ кузницѣ, то въ хлѣбнѣ, а вечеромъ возвращался въ тѣсную келію іеромонаха. Тутъ молодой отшельникъ слушалъ кроткія наставленія старца, посѣдѣвшаго на службѣ святымъ угодикамъ, и когда Іона, утомленный наконецъ дневными трудами, забывался сномъ, Филиппъ становился на молитву, въ которой изливалъ всю свою душу. И сколько разъ колоколъ созывалъ уже братію во храмъ, когда новопоставленный инокъ стоялъ еще на колѣнахъ предъ темными ликами святыхъ, крапившихъ Іону и его убогій кровъ. Искренняя признательность скоро соеди-

вила ученика и наставника, и часто старикъ говорилъ съ умилениемъ и тихою радостію о своемъ молодомъ другѣ: „Быть ему настоятелемъ нашей обители!“

Но тѣсно Филиппу среди монастырскихъ стѣнъ: его манила пустыня. Лишь тамъ, вдали отъ людей, подъ необозримымъ небомъ, онъ познаетъ блаженства не земныя и задикуетъ на просторѣ его душа. Алексій даетъ ему свое благословеніе на новый подвигъ, и онъ удаляется въ лѣсную глушь. Боится Филиппъ своей здоровой молодости, своей несокрушимой силы и изнуряетъ тѣло долгимъ постомъ. Онъ забываетъ міръ людской, онъ живетъ одинъ:къ среди лѣсовъ и озеръ, и слышитъ голосъ Божій во всѣхъ поющихъ вокругъ голосахъ природы. Но кто проникнетъ въ тайны его горячихъ порывовъ, восторженныхъ моленій и бессонныхъ ночей?..

Дни между тѣмъ проходили безсчетно за днями и онъ возвратился въ покинутую обитель. Престарѣлый Алексій уже тяготился игуменствомъ. Онъ ждалъ Филиппа, въ которомъ надѣялся найти усерднаго и способнаго помощника. По его повелѣнію пустычникъ сталъ заниматься монастырскимъ хо-

зяйствомъ. Старикъ, чувствуя постелеаный упадокъ силъ, мечталъ о томъ чтобы сдать ему всѣ свои обязанности, но Филиппъ отвѣчалъ на его предложеніе рѣшительнымъ отказомъ. Тогда Алексій собралъ всѣхъ иноковъ, объявилъ имъ что старость и немощи принуждаютъ его отойти на покой, и спросилъ, кого желаютъ они видѣть на его мѣстѣ?

— Филиппа, отвѣчали всѣ единогласно.

Филиппъ молчалъ, но уклоняться долѣе не могъ, и Алексій отправилъ немедленно къ новгородскому архіепископу Θεодосію грамоту, въ которой просилъ его, отъ имени братіи, рукоположить Филиппа во священника и возвести его въ санъ игумена.*

Грамоту доставили въ Новгородъ нѣсколько старцевъ избранныхъ обителью. Они приняли благословеніе Θεодосія и сказали ему: „Владыка святыи, молитъя соборъ Соловецкія обители, да поставиши намъ игумена посланнаго съ нами монаха Филиппа.“ Θεодосій, долго бесѣдовавъ съ избранникомъ, былъ

* Соловецкій монастырь принадлежалъ Новгородской епархіи.

пораженъ обширностію его ума. Лучшаго начальника въ Соловки не могъ желать архіепископъ. Онъ рукоположилъ Филиппа во священника и вручилъ ему настоятельской жезлъ.

VII.

Въ Соловахъ готовили торжественную встрѣчу новому игумену. Алексій, несмотря на свои недуги, вышелъ во главѣ всей братіи на пристань лишь только мелькнулъ вдали знакомый парусъ. Филиппъ вступилъ во храмъ при колокольномъ звонѣ; по выслушаніи обычной эктениі за „благовѣрнаго государя и царя Іоанна Васильевича“ и прочтеніи вслухъ грамоты архіепископа, Филиппа возвели на игуменское мѣсто. Онъ благословилъ братію, произнесъ рѣчь и велѣлъ готовиться къ соборной обѣднѣ. За обѣдней окъ приобщился, и вся братія приняла отъ него Святые Дары.

Но горько ему было отказаться отъ избранной прежде жизни, отъ созерцанія и молитвы. Едва силы Алексія восстановились, Филиппъ упросилъ его принять опять начальство, а самъ вновь удалился въ пустыню. Тамъ онъ пробылъ цѣлыхъ полтора года, не смотря

на осеннія бури и зимніе морозы, навѣщая монастырь лишь для принятія Святыхъ Таинъ. Богъ знаетъ сколько времени остался бы онъ еще въ своемъ уединеніи еслибъ умирающій Алексій не послалъ ему приказанія возвратиться. Пустынникъ покорился. Старець, благословивъ собравшуюся около него братію, молвилъ: „Азъ въ путь отецъ своихъ грядѣ“, и испустилъ духъ, почтенный слезами иноковъ и своего преемника.

VIII.

Новыя обязанности пробудили въ душѣ Филиппа еще неизвѣстія случая выказаться силы. Добродушный Алексій заботился неуспяно о томъ чтобы насколько возможно усовершенствовать хозяйственные средства которыми существовала обитель со времени его предшественниковъ: Филиппъ съ первой минуты созналъ необходимость создать новыя средства, и создалъ ихъ. Къ обители было приписано нѣсколько волостей, расположенныхъ на морскомъ берегу. Великокняжескія грамоты давно уже утвердили за ней владѣніе надъ всѣми Соловецкими островами и дали ей право торговать безлопачино извѣст-

нымъ количествомъ соли. Но доходы съ имѣній были крайне скудны, а самыя острова снабжали братію лишь дровами на топливо и рыбой. Несмотря на всю свою заботливость, Алексій оставилъ хозяйственный дѣла въ самомъ грустномъ состояніи: за десять лѣтъ до его кончины монастырь выгорѣлъ до основанія, и за совершеннымъ почти немѣнѣемъ удобнаго дѣла, не успѣвъ еще отстроиться, тогда какъ число братіи постоянно увеличивалось. Все приходило въ уладокъ, слѣдовало трудиться разомъ надо всѣмъ: Филиппъ немедленно отправилъ къ царю челобитную, въ которой изложилъ бѣдственное положеніе монастыря.

Царь принявъ милостиво прошеніе и даровалъ новыя льготы на безпошлинную продажу соли. Но требуя денежныхъ средствъ игуменъ заботился не о временныхъ доходахъ обителѣ: онъ хотѣлъ упрочить благосостояніе Соловковъ. Для достиженія этой цѣли было одно лишь средство: Филиппъ не отступилъ предъ нимъ. Онъ бодро началъ борьбу съ суровостью климата и одолѣлъ ее. Теперешніе Соловки, ласкающіе взоръ лутника разнообразіемъ своихъ живописныхъ видовъ, созданіе Фи-

липпа. Онъ призвалъ братію къ упорному труду. Ислуганная лѣсная птица увидала впервые густыя толпы иноковъ въ глуши, гдѣ некогда человекъ не тревожилъ ея покоя. Нарушено было вѣковое безмолвіе пустыни; повсюду застучалъ молотъ и загудѣла пила, падали дѣла подъ топоромъ. Филиппъ сушилъ озера, рылъ каналы, набрасывалъ на нихъ плотины, прокладывалъ дороги, копалъ пруды, измѣнялъ теченіе ручьевъ, сравнивалъ горы, удобрялъ мѣстами каменистую почву. Лишь въ часы отдыха и молитвы прекращалась горячая дѣятельность. Присутствіе игумена, одобрительное его слово, подкрѣпляли силы братіи и поддерживали бодрость ея духа. Подъ его надзоромъ работали сотни рукъ, и все преобразилось, все освободилось отъ хаоса и заговорила многими голосами жизнь на мертвыхъ островахъ. Въ настоящее время ихъ холмы покрыты березовыми рощами и стройными мачтовыми дѣсами, испещренными тропинками. Тамъ гуляютъ олени, многочисленныя стада пасутся на тучныхъ лугахъ, шумно ходятъ подъ валоромъ волны громадныхъ колеса «Филипповой мельницы», и не вѣрится теперешнимъ инокамъ что этотъ

благословенный клочокъ земли страшилъ когда-то воображеніе своею суровостью и непроницаемою глушью.

Этимъ не ограничилась дѣятельность игумена: лустивъ стада на пастбища и лалландскихъ оленей въ лѣса, онъ умножилъ число соляныхъ варницъ и огородовъ, и приступилъ къ разработкѣ желѣзной руды. Прочныя, массивныя зданія быстро возвышаются одно за другимъ; въ чащѣ лѣсовъ строятъ для отшельниковъ скиты съ келіями и службами; здѣсь ставятъ обширный скотный дворъ, тамъ двухъ и трехъэтажные корлуса для братскихъ помѣщеній, заводъ для выдѣлки оленьихъ кожъ, дальше устраиваютъ гавань, а морской берегъ уже окованъ каменною пристанью, и для безопасности судовъ заливъ устья насылами, съ высокими крестами вмѣсто маяковъ.

Между тѣмъ все уже готовится для сооруженія храма. Но не хочется игумену тратить безъ необходимости монастырской казны, и онъ ставитъ свой собственный кирпичный заводъ. Все килить лодъ руками Филиппа; однако онъ бережетъ рабочія силы: *машины*, волы и лошади замѣняютъ по возмож-

ности людей. „На сушило рожь * носили многіе братія, а Филиппъ игумень нарядилъ телѣгу“, повѣствуетъ съ наивнымъ удивленіемъ соловецкій лѣтолисецъ, „сама насыпается, да и привезетца, да и сама и высеплетъ рожь на сушило“.—„Да Филиппъ игумень доспѣлъ сѣвальню“, продолжаетъ онъ, „дѣсетью рѣшеты одинъ старецъ сѣеть, да при Филиппѣ жь доспѣли рѣшето, само сѣеть и насыпаетъ и отруби и муку разводить розно, да и крупу саможъ сѣеть и насыпаетъ и разводитъ розно крупу и высѣйки.“

Много страницъ посвятилъ добродушный лѣтолисецъ имени Филиппа игумена и громко звучитъ до сихъ поръ это имя въ Соловкахъ. Вездѣ появились слѣды заботливости хозяина: на кухнѣ, на хлѣбнѣ, на трапезѣ. Онъ требовалъ соблюденія постовъ предписанныхъ церковью, но желалъ чтобъ иноки, живущіе въ постоянномъ трудѣ, подкрѣпляли свои силы здоровю и сытною пищею. Онъ входилъ въ малѣйшія подробности всенедневной жизни монаха: обувь, одежда, все было усовершенствовано и подчинено извѣстнымъ прави-

* Рожь была привозная.

ламъ. Наконецъ въ монастырѣ была устроена больница.

И все росло Соловецкія богатства... Дошла до царя Ивана Васильевича молва о подвигахъ игумена Филиппа, того Феодора Колычева котораго онъ любилъ „презлдох“ бывши еще ребенкомъ, и пожелалъ царь быть вкладчикомъ храма заложенаго рукой его любимца. Иванъ Васильевичъ прислалъ ему колокола, богатую утварь, золотые кресты, драгоценныя ткани, и грамоту за грамотой на новыя льготы и на владѣніе новыми землями. Не узнавали Соловковъ иноки посѣдѣвшіе на ихъ берегахъ, а престарѣлый Тона, любуясь на своего ученика, вспоминалъ какъ предрекалъ ему главенство надъ обителью.

Филиппа ставало на все: онъ заботился объ участи крестьянъ приписанныхъ къ монастырю, ввелъ у нихъ выборное управленіе, пріучалъ ихъ къ труду и порядку, привалъ мѣры для уничтоженія лѣнства, ограждалъ ихъ отъ злоупотребленій, назначилъ имъ добросовѣстныхъ начальниковъ на которыхъ возложилъ строгую отвѣтственность, и свободно допускалъ къ себѣ недовольныхъ и челобитчиковъ. Все

продвѣтало въ монастырѣ и его волостяхъ, немудріе пользовались обильно его богатствомъ. Обитель принимала странниковъ и сирыхъ, угощала ихъ, одѣяла милостыней. Гостепріимны Савватій и Зосима: они дѣлятся со всѣми своею хлѣбъ-солью.

IX.

Когда молодой Колычевъ покинулъ семейный кровъ, долго отыскивали его родители по городу и по окрестностямъ. Наконецъ они убѣдились что онъ погибъ, и оплакивали его какъ умершаго. Вотъ все что говоритъ на этотъ счетъ его біографъ. Однако можно полагать что отношенія Феодора къ своимъ не были прерваны совершенно. Неизвѣстно когда именно повѣдалъ онъ свое имя Соловецкой братіи, но держать его въ тайнѣ послѣ своего избранія въ настоятели не было надобности, и съ этой минуты онъ существовало для него причина скрыватья отъ родителей. Ужели могъ отшельникъ думать безъ сердечной тоски о слезахъ и страданіи отца и матери? И какъ допустить чтобъ онъ не воспользовался возможностью утѣшить ихъ извѣстіемъ о себѣ? Его характеръ не позволяетъ та-

кого предположенія. Наконецъ, Колычевы были люди не темные, самъ Феодоръ занималъ должность при дворѣ, такъ что весь городъ былъ занятъ таинственнымъ его исчезновеніемъ. Когда же царь получилъ челобитную отъ новаго игумена Соловецкой братіи, нѣтъ сомнѣнія что Москва заговорила опять объ этомъ Феодорѣ, котораго считала такъ долго умершимъ, и что родители его вошли бы въ сношенія съ дорогимъ и горько оплаканнымъ сыномъ еслибъ онъ самъ не обратился уже къ нимъ. Можно заключать что отношенія его къ семейству возстановились съ того времени когда онъ сталъ игуменомъ, если не раньше.

Два года послѣ его назначенія * царь Иванъ вызвалъ его къ себѣ для совѣщаній о своемъ Судебникѣ... И вотъ Филиппъ опять въ Москвѣ... Не знаемъ что шевельнулось въ его душѣ когда онъ увидалъ родимый городъ, когда вошелъ подъ кровъ который покинулъ тринадцать лѣтъ тому назадъ странникомъ и нищимъ; не знаемъ какъ выразилась его радость при встрѣчѣ съ отцомъ и матерью, какъ онъ принималъ ихъ

* Филиппъ былъ избранъ игуменомъ въ 1518 году.

благословеніе и въ свою очередь благословилъ ихъ пастырскимъ крестомъ; какъ, наконецъ, домашніе собрались вокругъ него слушать повѣсть о его прибытіи на дикіе Соловецкіе острова. Вообще мы не находимъ въ его жизнеописаніи подробностей о его пребываніи въ Москвѣ. Извѣстно только что царь принималъ его съ лаской и почетомъ, угощалъ въ томъ самомъ дворцѣ гдѣ игралъ ребенкомъ на его колѣнахъ и пожертвовалъ ему два богатые покровы для мощей Соловецкихъ угодниковъ. Не знаемъ также когда именно лишился Филиппъ родителей, но лишь въ 1561 году внесъ онъ въ заупокойный монастырскій помѣнникъ имена своего отца, брата и матери: вѣроятно они недолго пережили другъ друга, и такъ какъ извѣстія доходили не часто изъ Москвы до Соловковъ, не мудрено что Филиппъ узналъ разомъ о кончинѣ всѣхъ троихъ. Мать его постриглась и скончалась въ одной изъ московскихъ обителей, гдѣ и похоронена.

X.

Богатое наслѣдіе полученное отъ родителей Филиппъ употребилъ на давно уже задуманныя преобразованія. Онъ

любилъ Соловки какъ свойственно человеку любить свое созданіе. Эти острова, о которыхъ оазъ мечталъ еще отрокомъ, ихъ благосостояніе, малѣйшая подробность до нихъ касавшаяся, сдѣлались единственною цѣлью его жизни. Онъ приказалъ дополнить монастырскую лѣтопись и съ особенною заботливостью возстановилъ давно забытую церковь, которой имя нераздѣльно съ преданіями обители. Лѣтописецъ повѣствуетъ что преподобный Савватій, жившій одинъ среди лѣсовъ и болотъ Соловецкихъ, почувствовалъ приближеніе смерти и пожелалъ приобщиться Святыхъ Таинъ. Сѣвъ на лодку, послѣ двухдневнаго плаванія причалилъ онъ къ берегу. Тутъ онъ принялъ Святые Дары и скончался. Его похоронили у церкви Св. Троицы. Зосима же, когда основалъ свой монастырь, перенесъ въ него останки Савватія, а убогая Троицкая церковь, къ коей не было приписано ни земли, ни прихода, осталась въ запустѣніи. Въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ не раздавалось въ ней молитвы; заросли ведшія къ ней тропинки. Она стояла въ монастырскихъ владѣніяхъ: Филиппъ возобновилъ ее. Онъ же отыскалъ Псалтирь и служебныя ри-

зы Зосимы, и всѣ богатства которыми обладалъ старецъ Савватій въ своей пустынѣ: каменный крестъ и икону Божіей Матери. Эта святыня хранится до сихъ поръ въ обители. Филиппъ самъ вычислилъ найденныя имъ ризы и любилъ ихъ надѣвать въ праздничную службу.

Въ продолженіе восемнадцатилѣтняго его игуменства не прекращались работы въ Соловкахъ. Завершивъ одну, приступали къ другой. Воздвигнутъ каменный храмъ Успенія Божіей Матери. Надъ нимъ работали цѣлыхъ пять лѣтъ зодчіе выписанные изъ Новгорода и „красну воздвиге церковь“: 82 сажени въ окружности, съ погребамы, просвирнею и хлѣбною подь сводами. Игуменъ, облеченный въ ризы преподобнаго Зосимы, освятилъ въ самый день Успенія церковь обогащенную дарскими вкладами; братія любовалась ея великолѣніемъ, а неугомонный Филиппъ мечталъ уже о закладкѣ другаго собора.

— Отче, говорили удивленные инокы, — наша казна оскудѣла.

— Богъ поможетъ, отвѣчалъ Филиппъ, и въ слѣдующемъ же году заложилъ на 170 квадратныхъ саженьяхъ Преображенскій соборъ. Его поддерживаютъ два

массивные столба. Ко главному алтарю примыкает приделъ во имя Зосимы и Савватія, гдѣ и почиваютъ теперь ихъ мощи. Сооруженіе храма продолжалось восемь лѣтъ, подѣ неуслыннымъ наблюденіемъ Филалла, который раздѣлялъ не разъ труды каменщиковъ и плотниковъ. Онъ слѣдилъ съ нетерпѣніемъ и любовью за успѣхами работы. Не думалось ему чтобъ онъ могъ живой или мертвый разстаться съ Соловецкою пустыней, которой отдалъ всю свою жизнь, и которую призвалъ къ жизни, и онъ назначилъ мѣсто своего погребенія подѣ лалертью недостроенной еще церкви. Здѣсь онъ похоронилъ со скорбію возлюбленнаго своего наставника Іону; Филиппъ пожелалъ лечь около него и вырылъ собственными руками для себя могилу...

Работы подходили къ концу; игумень уже приготовилъ церковныя книги и богатую утварь. „Иконами же украси и книгами“, говоритъ его биографъ, „яко невѣсту ризами, поволоками драгими, и подсвѣчниками златокованными, и кадилами“. Но не суждено было ему видѣть завершенія своего дѣла: царь Иванъ Васильевичъ вызвалъ его въ царствующій градъ, „духовнаго ради совѣта“.

Съ тѣхъ поръ какъ Филиппъ былъ избранъ игуменомъ, онъ вѣздилъ уже два раза въ Москву, однако извѣстіе о царской грамотѣ болѣзненно поразило иноковъ. Смутное ли предчувствіе волновало ихъ души? Почему было имъ такъ горько разстаться теперь съ Филиппомъ? Смутилось грустью и его сердце, но онъ старался преодолѣть себя и поддержать бодрость братіи. Онъ уговаривалъ всѣхъ уповать на Бога и довѣрить себя молитвамъ Соловецкихъ угодниковъ, далъ свои наставленія, просилъ не забывать монастырскихъ правилъ. Въ день назначенный для отъѣзда онъ отслужилъ обѣдню, и всѣ иноки приобщились вмѣстѣ съ нимъ, какъ члены одной семьи; потомъ сѣли за общую трапезу. По окончаніи обѣда всѣ пошли къ пристани. Тамъ игумень благословилъ плакавшую братію, и покинулъ берегъ. Раздалось печальное прощаніе... Прости мирная обитель, прости чудный домъ Зосимы и Савватія! Тридцать лѣтъ тому назадъ стремился къ тебѣ, въ порывѣ неудержимаго восторга, молодой Θεодоръ, и съ послѣднею молитвой, съ послѣднимъ благословеніемъ покидаетъ тебя на вѣки старецъ Филиппъ.

XI.

Царю Ивану Васильевичу было тогда тридцать шесть лѣтъ, но злоба и оргія состарили его преждевременно и исказили правильныя черты его лица. Онъ смотрѣлъ свирѣло и мрачно; на головѣ его и бородѣ вырѣзали почти всѣ волосы; безпокойный взглядъ блуждалъ изъ стороны въ сторону. Природная жестокость, унаслѣдовавшая отъ матери, и лишь на время подавленная вліяніемъ Сильвестра, дошла наконецъ до размѣровъ несовѣстныхъ со здравымъ умомъ. Облеченный въ монашескую рясу, ослѣпшій отъ пролитой крови, отъ разврата и вина, обезумѣвшій отъ страха адъ, онъ клалъ земные поклоны до истощенія силъ, до сняковъ на лбу, плакалъ, каялся въ своихъ грѣхахъ, — а выходя изъ церкви спогаялъ на площадь палачей и жертвы, и дико хотѣлъ при видѣ чудовищныхъ казней. Земщина, выданная на разграбленіе и поруганіе опричины, которая свирѣлствовала въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, походила на край опустошенный непріателемъ. Крестьяне, завидя издали всадниковъ

съ метлами и песьими мордами, * покидали свои села. Опричники, при крикахъ: гайда! гайда! преслѣдовали ихъ мучили, убивали, жгли ихъ дома. Женщины лишали себя жизни чтобы не попасть въ руки злодѣевъ. Люди именитые погибали въ пыткахъ. Вездѣ царствовалъ тулой ужасъ; молчали оцѣлѣвшіе отъ страха бояре, молчалъ народъ. Замолкла наконецъ и церковь.

Она сохраняла издревле обычай *печаловаться* объ опальныхъ, не забывала ихъ въ своихъ молитвахъ, била за нихъ челомъ князьямъ; но и ея голосъ былъ теперь подавленъ. Иоаннъ въ выраженіи состраданія къ его жертвамъ видѣлъ оскорбленіе своей власти. Въ грамотѣ гдѣ онъ излагалъ причины своего неудовольствія на все и на всѣхъ, онъ упоминалъ, между прочимъ, и о томъ что духовныя лица заступаются за виновныхъ, — стало-быть стоять съ ними заодно. Съ этой минуты все умолкло, кромѣ голоса самого царя, его опричниковъ и палачей. Послѣ кончины ми-

* Опричники носили, какъ извѣстно, метлы и собачьи головы, въ знакъ того что кусаются какъ собаки, охраняя царя, и выметаютъ его лиходѣевъ.

трополита Макарія, Аванасій занялъ святительскій престолъ, но испуганный порядкомъ вещей, скоро удалился на покой въ Чудовъ. Тогда былъ вызванъ въ Москву архіепископъ казанскій, благочестивый старецъ Германъ. Немедленно послѣ своего пріѣзда онъ представился Иоанну и завелъ съ нимъ бесѣду о христіанскомъ покаяніи. Царь почувалъ упрекъ въ его рѣчахъ, возненавидѣлъ Германа и приказалъ изгнать его изъ столицы. Однако митрополитчій престолъ не могъ оставаться празднымъ, и Иоаннъ изъявилъ желаніе отдать его Соловецкому игумену. Духовенство и бояре поддержали этотъ выборъ, надѣясь найти сильную опору въ Филиппѣ.

И Филиппъ былъ вызванъ въ Москву.

ХІІ.

Много различныхъ струнъ звучало въ горячей душѣ Филиппа. Родись онъ въ Средніе Вѣка, на отдаленномъ Западѣ, онъ поднялъ бы ополченіе на неврнныхъ, былъ бы ораторомъ или вождемъ народнымъ; родись онъ въ первыя времена христіанства, онъ боролся бы противъ языческаго міра, пока не водрюзилъ, какъ неустрашимый боецъ Па-

велъ, знамени новой вѣры на одряхлѣвшей почвѣ. Игуменскій жезлъ пробудилъ въ душѣ отшельника геній дѣятеля, а столкновение съ Иоанномъ—духъ героя и твердость мученика.

Когда онъ пріѣхалъ въ Москву, царь принялъ его съ обычною благосклонностью, и объявилъ что желаетъ облечь его въ первосвятительскій санъ. Сжалось сердце Филиппа: онъ вспомнилъ о Соловкахъ, о братіи, о своей обители.

— Оставь меня въ моей пустынѣ, царь, молилъ онъ,—самого Бога ради, оставь.

И заплакалъ старецъ.

Но Иоаннъ настаивалъ; онъ поручилъ боярамъ и духовнымъ лицамъ уговаривать Филиппа, а Филиппъ сталъ упрекать епископовъ въ томъ что они смотрѣли молча на беззаконія Иоанна.

— Пускай молчатъ бояре, говорилъ онъ, — они связаны житейскими выгодами, а намъ подобаетъ служить истинѣ, хотя бы пришлось души наши положить за паству.

На ихъ увѣщанія онъ сказалъ наконецъ: „Если и приму митрополию, то на условіи чтобы царь уничтожилъ причину.“

Эти слова пришлись не по сердцу

Иоанну, но Филиппъ не убоился, и при свиданіи сказалъ ему не обинуясь:

— Повинуюсь твоей волѣ, но отставь причину; а не отставишь, нельзя мнѣ быть митрополитомъ. Твое дѣло не богоугодное. Самъ Господь сказалъ: аще царство раздѣлится, запустѣетъ; натакое дѣло нѣтъ и не будетъ тебѣ нашего благословенія.

— Отче, отозвался Иоаннъ, — возсташа на мя мнози, мои же хотятъ меня поглотить.

— Никто не замышляетъ противъ твоей державы, отвѣчалъ Филиппъ: — мы всѣ приняли отъ нашихъ отцовъ заповѣдь чтить царя; показывай намъ примѣръ добрыми дѣлами, а грѣхъ влечетъ тебя въ геенну огненную. Хотя и посвящаютъ меня, я все-таки не останусь на митрополіи, или соединю всю землю воедино, какъ прежде было.

Царь, надѣявшійся видѣть на святительскомъ престолѣ угодника своимъ страстямъ, понявъ что ошибся въ расчетѣ, что Филиппъ не смолчитъ предъ нимъ, не уступитъ ему дороги, не склонитъ геройской головы предъ его неправдой, но отступать не хотѣлъ. Сопровожденіе раздражило его упрямство: онъ злился на игумена, на епископовъ, на

бояръ, и захотѣлъ поставить на своемъ во что бы то ни стало. Окруженный орудіями пытки, вистѣцами и лалачами, онъ робѣлъ однако при мысли что его грубая сила придетъ въ столкновеніе съ духовною силой Филиппа; онъ чувялъ въ немъ неотразимаго бойца, и рѣшивъ что имень будетъ митрополитомъ, царь Иванъ Васильевичъ, царь Грозный, принялъ всѣ мѣры для огражденія своей независимости отъ посягательства этого монаха, котораго могъ уничтожить единымъ словомъ, сидимымъ взглядомъ. Надо было связать Филиппа письменнымъ общаніемъ. По приказанію государя, бояре и духовныя лица залуганные угрозами приступили къ игумену съ новыми мольбами. Они просили его именемъ самого Бога принять митрополію, но подписать напередъ грамоту, съ обязательствомъ не вступаться въ „царскій домовый обиходъ“ и не покидать, ни въ какомъ случаѣ, святительскаго престола.

Неизвѣстно на какіе доводы сдался Филиппъ: можетъ-быть самая опасность предлагаемаго ему положенія отклонила его отъ отказа, который походилъ бы на робость; можетъ-быть Иоаннъ далъ ему обвѣданіе измѣнить свой

образъ жизни. По крайней мѣрѣ вѣрно то что въ первое время послѣ постановленія Филиппа прекратились пытки и казни: по выраженію Карамзина, „чудовище вздремало“. Какъ бы то ни было, Филиппъ согласился принять митрополию. Онъ приложилъ руку къ грамотѣ, скрѣпленной подписью пяти духовныхъ лицъ, и въ „царскій домовый обиходъ не вступался“: но чувствовалъ, точно также какъ Іоаннъ, что борьба неминуема, и приготовился къ борьбѣ.

XIII.

Филиппъ былъ посвященъ въ Успенскомъ соборѣ 25го іюля 1566. Народъ толпился на площади, а знать во храмѣ, гдѣ присутствовалъ также царь со всѣмъ своимъ семействомъ. По окончаніи литургіи онъ привѣтствовалъ новаго митрополита рѣчью и вручилъ ему архиерейскій посохъ. Торжественность церемоніи, видъ гробницы Петра митрополита, все вдохновляло Филиппа. Онъ обратился къ Іоанну „богоносець весь“, по выраженію біографа, и произнесъ въ свою очередь:

„Царю благочестивый, великихъ благъ сподобленъ ты отъ Бога, но ты долженъ и воздать Ему съ лихвой... Воз-

дай же Благодарителю долгъ благохваленія, памятуя что и долгъ Онь пріемлетъ какъ даръ, и за возвращенный долгъ воздаетъ новыми дарами безмѣрно. Облекись духомъ кротости, приклони свой слухъ къ нищимъ, страждущимъ, и уши Господни будутъ къ молитвамъ твоимъ, ибо подобаетъ и намъ помилovati клеветъ своихъ если желаемъ обрѣсти себѣ помилваніе у Господа. Многоочитый царскій умъ, какъ всегда бодрствующій кормчій, наблюдаетъ пути закона и истины. Отвращайся, о государь! льстивыхъ словесъ ласкателей: они—какъ враны хищныя; но сіи лишь тѣлесныя исклѣываютъ очи, а тѣ душевныя ослѣвляютъ мысли и заслоняютъ собою свѣтъ благотворной истины, хвалятъ хулы достойное, порицаютъ достохвальное. Да не возмугутъ же укрыться отъ тебя ихъ коварства и козни. Добродѣтели паче всего украшаютъ вѣнцы царей; и богатство отходить, и держава мимо грядетъ, и слава земная преходитъ, но слава жизни праведной одна съ вѣками вѣковъ продолжаетъ бытіе!... Отвергай славу чловѣкоугодниковъ, но принимай съ любовію совѣтъ правдивый. Наказывай льстецовъ, карай злодѣевъ, смирай, по-

Създай враговъ оружіемъ; но памятуй что для монарха славиѣ всѣхъ побѣдъ тѣ которыя приобрѣтаетъ онъ надъ сердцами подданныхъ любовію безоружною! Еще же, да стоитъ твердо и непоколебимо святая православная вѣра, да сокрушатся ереси, да процвѣтаетъ ученіе святыхъ апостоловъ и преданія божественныхъ отцовъ, и тѣмъ да содѣлаешься ты истиннымъ Божиимъ слугою, о государь, царь православный!”

Іоаннъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа: онъ милостиво выслушалъ рѣчь, пригласилъ митрополита во дворецъ и угостилъ его роскошнымъ обѣдомъ.

XIV.

Не видать изъ жизнеописанія Филлипа въ какихъ отношеніяхъ находился онъ съ родственниками которыхъ напелъ въ Москвѣ; знаемъ только что онъ особенно любилъ Венедикта, сына умершаго брата своего Бориса. Но ни эта привязанность, ни обширная дѣятельность не могли утѣшить изгнанника: онъ тосковалъ о покинутой обители какъ о покинутой родинѣ, и старался окружить себя живыми воспоминаніями о ней.

На дворѣ митрополичьемъ выстроилъ онъ во имя Соловецкихъ угодниковъ церковь, гдѣ любилъ молиться въ минуты душевной тоски. Съ какою радостію встрѣтилъ онъ іеромонаха Спиридона, присланнаго отъ братіи объявить царю и митрополиту что храмъ Пресображенія освещенъ и принялъ подъ свои своды мощи Зосимы и Савватія! Онъ не переставалъ заботиться о своей пустынѣ и распоряжался даже работами которыя не успѣлъ окончить при себѣ.

Москва отдыхала не долго: „вздремавшее чудовище“ проснулось и потребовало опять крови. Настала та эпоха которую Карамзинъ называетъ третьею эпохой убійствъ. Врядъ ли кто прочтетъ не содрогнувшись подробности пытокъ и казней которыми потѣшался Іоаннъ. Много жертвъ пало отъ его руки. Цѣлыя боярскія семейства погибали въ мукахъ; oprичники, вооруженные ножами и сѣкирами, бѣгали по городу и убивали встрѣчныхъ; на улицахъ и на площадяхъ валялись трупы, которыхъ никто не смѣлъ погребать; испуганные горожане не рѣшались выходить изъ домовъ. Филлиппъ пытался было усовѣститъ Іо-

анна, но Иоаннъ видѣлъ уже въ немъ орудіе боярской крамолы, уже ненавидѣлъ и избѣгалъ его. Онъ переѣхалъ изъ Кремля во дворецъ который выстроилъ себѣ у Ризположенскихъ воротъ и окружилъ себя исключительно опричниками. Кончилось тѣмъ что царь и митрополитъ встрѣчались лишь въ церкви. Филиппъ не пропускалъ случая карать всенародно Иоанна своимъ неподкупнымъ словомъ:

— Лишь тотъ властелинъ, о, царь, говорилъ онъ,—кто самъ собою обладаетъ, кто не работаетъ страстямъ, у кого державствуетъ умъ... Тебѣ данъ скипетръ земной силы, дабы научились человѣки правду хранить... Никогда при твоихъ праотцѣхъ не бывало того что ты творишь...

— Что тебѣ чернецу до нашихъ царскихъ совѣтовъ, отозвался Иоаннъ.

— То правда что я чернецъ, отвѣчалъ святитель,—ноя пастырь Церкви Христовой и *за едино* съ тобою долженъ имѣть поученіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства.

— *Едино*, отче честный, говорю тебѣ, молчи! молвилъ озлобленный Иоаннъ.

— Наше молчаніе, продолжалъ Филиппъ,—налагаетъ грѣхъ на твою ду-

шу и наноситъ всенародную смерть. Если дерзаешь полирать законы, твори что хочешь, для меня же настало время подвига и не подобаетъ мнѣ ослабѣвать.

Но все было напрасно; казни слѣдовали за казнями; кто погибалъ въ волнахъ, кто отъ меча, кто отъ огня. Каждый день приносилъ новыя напасти, и никто не ждалъ спасенія. Москвичи бѣжали толпой къ митрополиту, въ которомъ видѣли свою единственную защиту. Стоны и рыданія раздавались съ утра до ночи въ его палатахъ. Душевная скорбь не сокрушила могучаго сердца Филиппа: онъ зналъ что „настало время его подвига“, что не минуетъ его мечьъ Иоанна, и шелъ съ какимъ-то упоеніемъ на встрѣчу близкой смерти. Онъ одинъ поддерживалъ въ народѣ вѣру и бедность духа, обѣщая что до послѣдней минуты не умолкнетъ его голосъ.

— Не скорбите, о, чада! говорилъ онъ,—ужь и сѣкира у корня лежитъ; не земаыя блага обѣщаетъ намъ Господь, а небесныя. Я же ридуюсь что приму страданія за васъ. Вы—мой отвѣтъ предъ Богомъ, и вы—вѣнецъ мой отъ Бога.“

И вдохновенная его рѣчь, и величественный видъ успокоивали плачущую толпу.

XV.

Воскресенье. Народъ тѣснился въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служилъ митрополитъ. Вдругъ заколыхалась толпа, ряды ея сдвинулись и очистили широкое пространство между входомъ и святительскимъ мѣстомъ, на которомъ стоялъ Филиппъ уже въ полномъ облаченіи: въ дверяхъ показался царь Иванъ, а за нимъ толпа вооруженныхъ опричникковъ, въ высокихъ халдейскихъ шлыкахъ и черныхъ рясахъ, надѣтыхъ на цвѣтные кафтаны. Между тѣмъ какъ народъ глядѣлъ съ удивленіемъ на соблзнительный нарядъ пришельцевъ, царь подошелъ къ Филиппу чтобъ принять его благословеніе. Но митрополитъ, не взглянувъ на него, остановилъ неподвижный взоръ на иконѣ Спасителя. Три раза Иоаннъ преклонялъ нарасно голову и протягивалъ руку. Въ соборѣ водарилось безмолвіе: всѣ ожидали, притаивъ дыханіе, неминуемой грозы. Наконецъ одинъ изъ опричникковъ обратился къ Филиппу:

— Владыко святыи, молвилъ онъ,—

благочестивый государь царь Иванъ Васильевичъ требуетъ твоего благословенія.

Филиппъ обратился къ Иоанну и посмотрѣлъ на него пристально.

— Побойся Бога, началъ онъ,— постыдишься своей багряницы! Кому порекновалъ ты, исказивъ благолѣпіе твоего лица? Что ты творишь? Съ тѣхъ поръ какъ свѣтитъ солнце на небѣ, не слышано чтобы благочестивые цари возмущали собственную державу; у всѣхъ народовъ есть правда и законъ, а у насъ ихъ нѣтъ. Мы приносимъ Господу безкровную жертву, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская.

— Филиппъ, крикнулъ Иоаннъ, и жезлъ его застучалъ о чугунныя плиты храма, — Филиппъ! или смѣешь ты противиться нашей державѣ? Увидимъ велика ли твоя крѣпость!

— Не устрашать меня мученія, сказалъ твердымъ голосомъ святитель, — я пришлецъ и переселеникъ на землѣ, я подвизаюсь за истину, и хотя бы мнѣ пришлось лишиться сана и лютыя страданія претерпѣть, не смирюсь предъ тобою!

Народъ внималъ молча словамъ пастыря; взбѣшенный Иоаннъ бросился

къ дверямъ; его ватага послѣдовала за нами, а въ Успенскомъ соборѣ продолжалось богослуженіе.

XVI.

При великомъ князѣ Василии Васильевичѣ, стояла въ Благовѣщенскомъ соборѣ икона Божіей Матери, вывезенная, по неизвѣстному случаю, изъ Смоленска. Смоляне просили Василія возвратити изъ городу принадлежащую ему святыню. Василій созвалъ своихъ бояръ и митрополита, и рѣшили, общимъ совѣтомъ, отослать икону въ Смоленскъ, по приказано было предварительно снятъ съ нея сласокъ, который поставила въ Благовѣщенскій соборъ, на мѣсто подданника. Великій князь съ боярами, съ московскими жителями и съ крестнымъ ходомъ, проводилъ Смоленскую икону изъ Кремля до того мѣста гдѣ былъ воздвигнутъ въ послѣдствіи монастырь на Девичьемъ Полѣ. Тамъ остановились, отслужили соборный молебень и отпустили икону. Болѣе полустолѣтія прошло съ тѣхъ поръ: великій князь Василий Ивановичъ праздновалъ взятіе Смоленска. Въ честь одержанной побѣды, онъ соорудилъ монастырь, который посвятилъ

имени Божіей Матери, и въ память того дня когда его дѣдъ, во главѣ московскихъ жителей, поклонился въ послѣдній разъ Смоленской иконѣ учредилъ крестный ходъ изъ кремлевскихъ соборовъ въ обитель*.

Два года послѣ поставленія Филиппа, въ день крестнаго хода, Москвичи длиною веревкой проводили, по обычаю, чрезъ широкое поле кресты и хоругви и отслужили обѣдню въ Девичьемъ монастырѣ. По окончаніи службы, митрополитъ обошелъ, при колокольномъ звонѣ, стѣны обители. У святыхъ воротъ, предъ чтеніемъ Евангелія, онъ обернулся къ толпѣ со словами: „миръ всѣмъ“, и остановился: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя онъ увидѣлъ посреди царскихъ дружинниковъ человека съ тафьею на головѣ: татарскій нарлатъ, ненавидимый народу, поразилъ Филиппа:

— Царь, сказала онъ, возвышая голосъ,—по нашему христіанскому закону слушаютъ съ непокрытою головою Евангеліе. Откуда же взялся у насъ обычай татарскій? Давно ли покрываютъ голову при евангельскомъ чтеніи?

* 28го июля. Этотъ день празднуютъ до сихъ поръ крестнымъ ходомъ.

— Кто покрылъ голову? спросил Иоаннъ.

— Одинъ изъ твоихъ царскихъ советниковъ, отвѣчалъ Филиппъ: взгляни!

Опричникъ успѣлъ уже сорвать съ головы и спрятать тафью. Иоаннъ обратился къ толпѣ и потребовалъ чтобы ему указали виновнаго. Никто не посмѣлъ обличить царскаго любимца. Опричники ненавидѣли митрополита и обрадовались возможности повредить ему.

— Онъ не истину молвилъ, царь! онъ обмануть тебя хотѣлъ! онъ ругается твоей державѣ! крикнуло разомъ нѣсколько голосовъ.

И между тѣмъ какъ лживыя и бранныя слова раздавались около него, Филиппъ продолжалъ божественное служеніе и пѣлъ торжественнымъ голосомъ: „Аще ополчитса на мя локъ, не убьется сердце мое“.*

XVII.

Иоаннъ положилъ во что бы то ни стало погубить Филиппа, но казнить его, какъ многихъ изъ своихъ жертвъ, безъ видимаго даже предлога, онъ не рѣшался, потому что народъ смотрѣлъ

* Псаломъ 26.

на митрополита какъ на святаго, и царь боялся возмущенія. Необходимо было вѣсти на Филиппа какое-нибудь обвиненіе. Дѣло представляло много затрудненій въ городѣ гдѣ митрополитъ былъ извѣстенъ своимъ благочестіемъ и строгостію своей жизни. Иоаннъ придумалъ отправить въ Соловки его недруговъ въ надеждѣ что тамъ легче будетъ найти лжесвидѣтелей. Суздальскій епископъ Паѳутій, архимандритъ Θεодосій и князь Василій Темкинъ выѣхали съ этою цѣлью изъ Москвы. Они прибыли съ военнымъ конвоемъ въ Соловки, гдѣ все жило и дышало именемъ Филиппа, и приступили къ дѣлу. Вся братія стояла за бывшего своего игумена. Однако возвратиться безъ свидѣтельства противъ него было не мыслимо: царь ждалъ доносовъ. Паѳутій переговорилъ съ настоятелемъ Паисіемъ и подкулилъ его совѣсть обѣщаніемъ епископскаго сана. Нѣсколько иноковъ соблазнили его примѣромъ, и послы, „сплетши совѣтъ неправеденъ и грѣшенъ“, по выраженію біографа, вернулись въ Москву со лжесвидѣтелями и со спискомъ показаній.

Съ немалою радостію принялъ ихъ Иоаннъ; онъ успѣлъ, съ своей стороны,

добыть нѣсколько навитовъ, и приказалъ немедленно боярамъ и епископамъ собраться въ Успенскій храмъ для суда надъ митрополитомъ.

Наступилъ назначенный день. * Царь и его сподвижники прибыли въ соборъ. Подсудимый, облеченный въ святительскія ризы, былъ приведенъ и поставленъ предъ ними. Изъ обвинителей не было ни одного налицо. Когда доносы были прочтены вслухъ, Филиппъ, не проговоривъ ни слова въ свое оправданіе, обратился къ Иоанну:

— Государь, молвилъ онъ,—или ты думаешь что я боюсь тебя и боюсь смерти за правое дѣло? Мнѣ за шестьдесятъ лѣтъ: я жилъ честно и безпорочно, такъ хочу и душу мою предать Богу, Судии твоему и моему. Лучше мнѣ принять мученія и смерть нежели быть митрополитомъ при такихъ мучительствахъ и такихъ беззаконіяхъ. Творю тебѣ угодное: вотъ мой жезлъ, клубокъ, мантія, я больше не митрополитъ.

Онъ сложилъ съ себя знаки своего святительства, потомъ обратился къ стоявшему тутъ духовенству:

— А вамъ, духовные отцы, оставляю наказъ: пасите стадо ваше, помните что

* 4го ноября.

вы отвѣчаете за него предъ Богомъ. Я же предаю душу свою и себя въ руки Господа.

При этихъ словахъ онъ повернулся къ дверямъ чтобы уйти. Твердость его взбѣсила Иоанна:

— Ты хитро хочешь избѣжать суда, крикнулъ онъ,—не тебѣ судить самого себя, дождайся суда другихъ и осужденія. Надѣвай снова одежду: ты будешь служить обѣдаю въ Михайловъ день.

Филиппъ возвратился, молча надѣлъ свою одежду и взялъ жезлъ.

Въ числѣ духовныхъ лицъ призванныхъ на судъ иные были преданы святителю и не стали въ ряды его обвинителей, однако не посмѣли возвысить голоса на его защиту. Мучимые совѣстью, они пришли къ нему каяться въ своей слабости. Онъ отпустилъ ихъ съ прощеніемъ и благословеніемъ. Явился къ нему также со слезами покаянія соборный чтецъ, котораго подучили дать ложное свидѣтельство.

— Да прости тебѣ Христосъ, сказалъ ему митрополитъ,—прости и ты грѣшникамъ что научали тебя злу.

Въ день архангела Михаила Филиппъ вошелъ въ Успенскій соборъ и обла-

чился. Вдругъ явился Басмановъ съ толпой вооруженныхъ опричниковъ. Онъ держалъ свитокъ въ рукѣ и сказалъ Филиппу:

— Ты не достоинъ святительскаго сана.

Потомъ онъ велѣлъ прочесть вслухъ заранее составленный приговоръ. По окончаніи чтенія опричники бросились на старца, сорвали съ него святительскія одежды и облекли его въ изорванную монашескую рясу. Филиппъ не сопротивлялся, лишь сказалъ народу, пораженному ужасомъ:

— О, чада! скорбно мнѣ разставаться съ вами, но радуюсь что терплю Церкви ради: настало время ея вдовства, и пастыри, какъ наемники, низвержены будутъ.

Но опричники старались заглушить его голосъ: они вытолкали его съ ругательствомъ изъ храма, посадили на дровни и повезли чрезъ Красную Площадь въ Боговляненскій монастырь.* Во время луты они продолжали издѣваться надъ нимъ и били его своими мечами. Народъ провожалъ съ рыданіями печальный поѣздъ, который медленно

* На Никольской.

подвигался въ толлѣ. Филиппъ былъ ясенъ и спокоенъ; онъ осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ преклоненныя со всѣхъ сторонъ головы и повторялъ: „молитесь“.

Его сдали настоятелю монастыря и залерли за нимъ ворота обители.

XVIII.

На другой день его привезли, съ такими же ругательствами, на дворъ митрополичій, слушать окончательный приговоръ въ присутствіи царя и епископовъ. Тутъ онъ увидалъ бышаго ученика своего Паисія, который повторилъ при немъ рядъ вымышленныхъ обвиненій.

— Да будетъ благодать Божія на устахъ твоихъ, чадо, сказалъ ему митрополитъ.—Что свѣтъ человѣкъ, то и пожегетъ; не мое это слово, а Господне.

Его обвинили во многихъ преступленіяхъ, между прочимъ въ волшебствѣ. Выслушавъ молча приговоръ, онъ сказалъ Иоанну:

— Государь, перестань творить богопротивныя дѣла. Вспомни прежде бывшихъ царей: которые творили добро и по смерти славятся, а которые зломъ царство держали, надъ тѣми и нынѣ

тяготятъ проклятія. Смерть не побойт-ся твоего сана; оломнись до ея призыва.

Іоаннъ приказалъ забить ему ноги въ деревянныя колодки, руки въ желѣзныя кандалы. Изъ митрополіи его отвезли въ монастырь Николая Старого и заперли въ подвалъ.

Но месть Іоанна еще не была удовлетворена: онъ придумалъ подвергнуть его новому истязанію и казнить нѣсколькихъ его родственниковъ, между прочимъ племянника его, Венедикта. Голову несчастнаго, по приказанію царя, принесли узнику и сказали ему:

— Вотъ голова любимаго твоего сродника, не помогли ему твои чары.

Филиппъ поднялся съ своего мѣста, нѣжно подѣловалъ и благословилъ голову юноши, потомъ положилъ ее предъ собой, и, сотворивъ земной поклонъ, примолвилъ: „Блаженъ яже избра и пріятъ Господь: память ихъ отъ рода въ родъ“.

Въ его твердости Іоаннъ видѣлъ поруганіе своей власти и съ досадою, доходившею до бѣшенства, сознавалъ свое безсиліе предъ нимъ. Филиппъ былъ брошенъ въ темницу, былъ окованъ,

спалъ на соломѣ, томился голодомъ; однако Іоаннъ чувствовалъ что Филиппъ не побѣжденъ. Тогда какъ все замирало отъ страха вокругъ грознаго царя, этотъ монахъ не дрогнулъ предъ его гнѣвомъ, сказалъ ему въ глаза что не смирится предъ нимъ, и не смирился. Іоаннъ Васильевичъ чувствовалъ себя униженнымъ; немощная злоба росла съ каждымъ днемъ въ его сердцѣ, а покончить съ митрополитомъ онъ не смѣлъ. Съ утра до ночи народъ толпился около темницы заключенаго, говорилъ о немъ со слезами, разказывалъ чудеса которыя онъ творилъ въ заточеніи властью своего слова. Опричники прославляли милосердіе царя, народъ прославлялъ святость его жертвы. Сила была на сторонѣ Филиппа, и жутко приходилось Іоанну отъ своего узника. Положеніе становилось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе.

Царь рѣшилъ что безопаснѣе удалить митрополита изъ Москвы.

XIX.

Холоднымъ декабрьскимъ днемъ въ Тверской Отрочъ монастырь прибылъ лодъ надзоромъ царскаго пристава старецъ. Онъ дрожалъ отъ стужи подъ

плохою одеждою, исхудалъ отъ голода, отъ утомительнаго лута и грубаго обхожденія своего сторожа. Этотъ старецъ былъ Филиппъ.

Подробности о его пребываніи въ Твери не сохранились, но извѣстно что онъ былъ любимъ и уважаемъ братіей, что онъ молился и ждалъ смерти подобно древнимъ мученикамъ, лѣвшимъ гимны въ ожиданіи костра. Прошелъ цѣлый годъ съ тѣхъ поръ какъ Филиппъ былъ сосланъ въ Тверскую обитель, и ни что не измѣнилось въ его жизни. Рождественскимъ постомъ онъ говѣлъ; прислушиваясь онъ былъ особенно свѣтелъ и ясенъ, по словамъ его біографа, и говорилъ инокамъ: „Отшествіе мое близко; настала часъ совершенія моего подвига“.

Въ это время царь Іоаннъ Васильевичъ, двинувшись на Новгородъ, остановился не далеко отъ Твери. Онъ не мирился съ мыслию что Филиппъ еще живъ, и отправилъ Малюту Скуратова въ Отрочъ монастырь. Явившись къ настоятелю, Малюта сказалъ ему что присланъ отъ царя, который желаетъ чтобы митрополитъ благословилъ его походъ. Затѣмъ онъ потребовалъ чтобы ему указали келью узника, и

вошелъ въ нее одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился ко братіи, сдѣлавъ строгій выговоръ настоятелю за мнимое небреженіе въ которомъ былъ оставленъ ссыльный, и тутъ же объявилъ что Филиппъ умеръ, что онъ, безъ сомнѣнія, задохся отъ нестерпимаго жара въ своей келии. Все было поражено ужасомъ и слушало молча. Палачъ, не давъ никому времени опомниться, приказалъ инокамъ взять заступы и слѣдовать за нимъ. У алтарной стѣны соборной церкви Святой Троицы была вырыта, по его приказанію, глубокая яма. Въ нее олустили не охладѣвшее еще тѣло мученика. Малюта не отходилъ пока могила не была засыпана. Онъ торопился скрыть слѣды насильственной смерти, и не сказалъ въ лѣтописи чтобы былъ совершенъ надъ Филиппомъ обрядъ погребенія.

XX.

Протекло около столѣтія.

Рано загудѣли московскіе колокола 9го іюля 1652 года. Жители города были на ногахъ и слѣшили покинуть свои дома. Изъ Кремлевскихъ воротъ выходилъ крестный ходъ, за нимъ шелъ въ станомъ золотомъ кафтанѣ и царь

скомъ въидѣ царь Алексѣй Михаиловичъ, окруженный дворомъ. Всѣ были въ блестящихъ нарядахъ. Толпы народа занимали пространство отдѣляющее Кремль отъ вышней Крестовской заставы. Москва ожидала въ этотъ день давно желанную святыню: мощи Митрополита Фидилла.

Святитель возвращался, послѣ долгой ссылки, въ свою паству. Онъ уже двадцать два года лежалъ въ Отрочь монастырѣ, когда Соловецкій игумень Иаковъ явился въ Москву именемъ всей братіи бить челомъ царю Θεодору Ивановичу и просить его о перенесеніи остатковъ Фидилла въ возлюбленную имъ обитель. Тамъ его похоронили въ могилѣ вырытой его руками около могилы Іоны. Но царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ видѣть его въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ раздавалось праведное слово пастыря „на престолахъ его преждебывшимъ“. Онъ отправилъ въ Соловки за его тѣломъ митрополита Новгородскаго и Великолуцкаго Николая, тоже соловецкаго сподвижника, и уготовилъ Святителю торжественную встрѣчу подъ стѣнами города....

ОДАЕТСЯ ВЪ СЛАДАХЪ ОУДѢЛА ДУХОВНО-ПРАВОСЛАВНЫХЪ НИЖЕ ВЪ ПЕТРОВСК. МОНАСТЫРѢ ВЪ ПАВЪЛЬОНѢ У ИВЕРСКОЙ ЧАСОВНИ И ДР., И У ВСѢХЪ НИЖНИХЪ ТОРГОВЦЕВЪ ВЪ МОСКВѢ

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

НА

1875

(3-й по выссокуса)

ГОДЪ.

7383 г. отъ сотвор. міра. Христіанства въ Россіи 887 г.
Россійскаго государства 1013 г.

Съ указаніемъ всѣхъ московскихъ крестныхъ ходовъ и на-
нихъ сороковъ духовенства участвуетъ въ тѣхъ и другихъ
изъ нихъ, изъ какому изъ воскресныхъ дней относится празд-
нованіе того и другаго изъ второстепенныхъ царскихъ дней
и часовъ церковнаго богослуженія, по Уставу Московск.
Успенск. собора. Съ приложеніемъ молитвъ схи-іеромонаха
Парвенія и митрополита Филарета.

Цѣна 10 копѣекъ.

МОСКВА.

Тин. П. Н. Кушнерева, Пяменовск. ул., д. Кушнеревой.
1875.